

ЖАНРОВО-ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА В. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Петишев А.А.¹, Куракина Е.И.²

¹Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия (452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д.10), e-mail: academy@birsk.ru

²МБОУ СОШ № 13 с углубленным изучением предметов эстетического цикла, Ноябрьск, Россия (629803, ЯНАО, г. Ноябрьск, ул. Высоцкого 40-А), e-mail: 13school13@mail.ru

Статья посвящена определению жанра «Проклятых и убитых», который не укладывается в жанрово-видовую форму классического романа. В повествовании В. Астафьева налицо повышенная публицистичность, многогеройность, острая критика социальной действительности, обилие сатирических оценок, наличие натуралистических приемов изображения героев и окружающей среды. Книга выделяется многосоставностью: помимо обозначенных автором частей в ней есть вставные новеллы, документальные сведения из истории, лирические отступления, религиозно-философские рассуждения прозаика о человеке и истории, войне и мире. В романе В. Астафьева много парадоксальных ситуаций, создающих в контексте произведения двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый. Парадоксы обнажают в тексте авторскую иронию в виде юмора (легкая усмешка), сатиры или сарказма (злое осмеяние). Особое внимание в статье уделяется эволюции художественного мышления В. Астафьева – это долгий и сложный путь писателя от романтизма к натурализму, от идиллического, сентиментально-романтического мировосприятия до жизнеподобного художественного мировидения в рамках неореализма («жесточкого реализма»).

Ключевые слова: история русской литературы XX века, образ, автор-повествователь, военная проза, жанрово-видовая форма, классический роман, композиция, проблематика.

GENRE-SPECIFIC FEATURES IN ROMAN BY V. ASTAFYEV "CURSED AND KILLED"

Petishev A.A.¹, Kurakina E.I.²

¹Birsky branch FSEI HE "Bashkir State University", Birsk, Russia (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya Street, 10), e-mail: academy@birsk.ru

²MBEI SS № 13 with subjects of an aesthetic cycle, Noyabrsk, Russia (629803, Yamalo-Nenets Autonomous County, Noyabrsk, Vysotsky Street, 40-A), e-mail: 13school13@mail.ru

The article is devoted to the definition of the genre "Damned and Killed," which do not fit into the genre-specific form of the classic novel. In the narrative V. Astafiev there increased journalistic, sharp criticism of social reality, plenty of satirical evaluations, the presence of naturalistic techniques images of heroes and the environment. The book is released: in addition to the author designated parts it has a plug-in novels, documentary evidence from the history, lyrical digressions, religious and philosophical arguments about the man and history, war and peace. In V. Astafiev's novel many paradoxical situations created in the context of the double meaning of the work, which is not true right to speak out, and it implied the opposite. Paradoxes in the text reveal the author's irony in the form of humor (faint smile), satire or sarcasm (evil mockery). Particular attention is paid to the evolution of artistic thinking of V. Astafiev – it is a long and complicated writer's way from romanticism to naturalism, to the idyllic, sentimental and romantic acceptance to the lifelike artistic worldview as part of neorealism ("brutal realist").

Keywords: history of Russian Literature of XXth century, image, author-narrator, war prose, genre-specific forms, the classic novel, composition, perspective.

Роман «Прокляты и убиты» был задуман в трех книгах. Написаны и опубликованы две – «Чертова яма» (1992) и «Плацдарм» (1994). В третьей, незавершенной и не изданной по состоянию здоровья В. Астафьева, планировалось рассказать о современной жизни

фронтовиков. На основе набросков к третьему тому романа в 1995-1998 гг. прозаиком были созданы социально-бытовые повести «Так хочется жить», «Обертон» и «Веселый солдат».

Жанр «Проклятых и убитых» не укладывается в жанрово-видовую форму классического романа. В повествовании В. Астафьева налицо повышенная публицистичность, многогеройность, острая критика социальной действительности, обилие сатирических оценок, наличие натуралистических приемов изображения героев и окружающей среды. Книга выделяется многосоставностью: помимо обозначенных автором частей в ней есть вставные новеллы, документальные сведения из истории, лирические отступления, религиозно-философские рассуждения прозаика о человеке и истории, войне и мире.

Жесткий заголовок романа и буквально все его содержание противопоставлены значительной части произведений о войне, написанных в прошлом столетии и выдержанных в строгих канонах соцреализма. В унисон немилосердному названию романа звучат его эпиграфы – к первой книге – из речи святого апостола Павла: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом»; и ко второй – отрывок из Евангелия: «Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай. Кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...». «Прокляты и убиты» – объективный пример ломки реализма и поиска В. Астафьевым новых повествовательных форм, попытка автора переориентировать свое миропонимание на православные духовные и культурные ценности, настойчивое стремление художника утвердить и отстоять свою правоту (она «<...> моя и ничья больше» – говорил и писал В. Астафьев) о Великой Отечественной войне, участником которой он был. «Писать о войне, – отметил романист, – о любой – задача сверхтяжкая, почти неподъемная, но писать о войне прошлой, Отечественной, и вовсе труд невероятный, ибо нигде и никогда еще в истории человечества такой страшной и кровопролитной войны не было. И хотя есть поговорка, что нигде так не врут, как на войне и на охоте, об этой войне столько наврали, так запутали все, с нею связанное, что в конце концов война сочиненная затмила войну истинную. Заторами нагромоздилась ложь не только в книгах и трудах по истории прошедшей войны, но и в памяти многих сместилось многое в ту сторону, где была война красивше на самом деле происходившей, где сплошной героизм, где поза, громкие слова и славословия <...>» [2, С. 619-620]. Основную функцию рассказчика «<...>» несет сам автор, летописующий эпоху и время, общественные конфликты и человека, природу, быт и нравы русских людей» [4, С. 217].

У истоков военной прозы В. Астафьева стоит лиро-эпическая повесть «Пастух и пастушка. Современная пастораль», в которой наметились астафьевские художественные

принципы освоения военной темы. Написанная в 1967 г., она трудно шла к читателю, преодолевая цензурные препоны. Впервые была опубликована в 1971 г. Впоследствии писатель неоднократно возвращался к тексту повести, дорабатывал его, восстанавливал снятые цензурой сюжетные эпизоды и авторские рассуждения. Повесть, созданная в жанре идиллической пасторали, имеет несколько сюжетных направлений, в том числе сентиментальные картины взаимоотношений пастуха и пастушки, убитых на войне; эпизоды из жизни прибывших в деревню из голодающего Поволжья крестьянина и его жены; повествование о любви Бориса и Люси; картины военного быта – главной повествовательной проблемы. Тема войны в произведении трактуется в традициях автора «Войны и мира» – Л. Толстого. По мнению В. Астафьева, война необходима, если она носит освободительный характер; но любая война (справедливая или захватническая) противоестественна состоянию человека, с ней невозможно смириться, поскольку она несет народам страдание и кровь, всеобщий страх и смерть. Война 1941-1945 гг. – не только боль русского народа, но и беда человечества, стоявшего у края чертовой ямы; это апокалипсис и вселенское зло, жертвами которого становятся разные люди – русские и немцы, казахи и украинцы, мужчины и женщины, старики и дети. В. Астафьев не славил войну и ее искусство; автор был убежден, что такой подход к изображению народной трагедии кощунствен по отношению к человеку и его душе. Показателен в этом смысле образ старшины Мохнакова, который, с одной стороны, всегда честно исполнял солдатский долг, был расчетлив и хладнокровен, владел собой и не терял голову в горячке сражений, профессионально убивал вражеских солдат, а с другой, – часто оставался бездушным по отношению к простым людям, мародерствовал после боя, обирал убитых. Мохнаков сам о себе сказал, что, истребляя фашистов, он истреблял себя, умертвил свое некогда благородное сердце, обесчеловечил испепеленную душу. Несомненно, что гибель старшины, бросившегося с противотанковой миной под танк, одновременно геройский поступок воина и отчаянный акт самоубийства. Подобно Мохнакову, истратил себя душевно в кровавой мясорубке главный герой повести – лейтенант Борис Костяев, уставший от безумной бойни и смертей, от безмерной жестокости воюющих; его отталкивала стихия разрушения пасторально-гармоничного бытия и земного разума. В повести отчетливо сформирована художественная манера В. Астафьева, принесшая ему общественное признание: «В современной прозе жизнь трудная, если работать по-настоящему. Все большее значение приобретает в ней символика, условные, а значит, сложные формы... В «Пастухе и пастушке» я стремился совместить символику и самый что ни на есть грубый реализм» [3, С. 358].

Война – главный художественный образ романа «Прокляты и убиты», она «двигатель» сюжета, «архитектор» образной системы, наложивший отпечаток на структуру

произведения и содержание конфликтов, язык и стиль повествования, на жизнь и быт каждого участника исторического события, каждого персонажа двухтомной книги. В первой части – «Чертова яма» – рассказывается о событиях, происходивших поздней осенью 1942 г. в сибирском городке Бердск. (Чертова яма – метафорический образ солдатской казармы, тлетворно влияющий на тела и души юношей, призванных на военную службу). Здесь перед отправкой на фронт проходили боевую и политическую подготовку вчерашние школьники. Содержали их в совершенно непригодных для жизни условиях. В книге изображены адские физические и нравственные страдания новобранцев, с трудом преодолевавших голод и холод, грязь и вонь в сырых казармах, в промозглых бараках, в удушающих нужниках. В этом проклятом богом месте, словно живые тени, повсюду бродили обовшивевшие тела – в коросте, в отрепьях одежды, в заскорузлой обуви с истлевшими портянками. С предельной сгущенностью описана казарма карантина: «<...> полутемный подвал, где вместо пола на песок были набросаны сосновые искрошившиеся лапы, велели располагаться на нарах из сосновых неокоренных бревешек, чуть стесанных с той стороны, на которую надо было лечь <...>» [2, С. 9]. «В карантинных землянках многолюдствие и теснота, драки, пьянки, воровство, карты, вонь, вши. Никакие дополнительные меры вроде внеочередных нарядов, лекций, бесед, попыток проводить занятия по военному делу не могли наладить порядок и дисциплину среди шатучего людского сброда» [2, С. 22]. Быт новобранцев в учебном полку напоминал тюремный, а поведение служивых определялось голодом и страхом. В первые недели еще не гасла надежда в сердцах будущих воинов на улучшение срамной жизни и кормежки, но время шло, в жизни ничего не менялось, все оставалось по-прежнему. «На таком краю человеческого существования, – резюмировал автор, – в таком табунном скопище <...> силы и бодрость сохранить, да и выжить, – невозможно» [2, С. 29].

В карантинной учебке проходили скоротечную боевую и политическую подготовку безусые юнцы, с тем, чтобы завтра отправиться на фронт, гремевший под Москвой и у берегов Волги. Но командиры подменили боевые занятия строевой муштрой («Не выдали служивым ни постелей, ни пожиток, ни наглядных пособий, ни оружия, ни патронов, зато нравоучений и матюков не жалели и на строевые занятия выгнали уже на другой день с деревянными макетами винтовок, вооружив – для бравости – настоящими ружьями лишь первые две четверки в строю» – [2, С. 29]); политзанятия превратились в политбалаболки с уймой пустых слов, засаленных речевых штампов и пустопорожних призывов. Проводил занятия тупой политотделовец капитан Мельников. Работал он, по ироническому замечанию автора, «<...> так много, так напряженно, главное, так политически целенаправленно, что ему не только пополнять свои куцы знания, но и выспаться некогда было. Он считал, что так оно и должно быть: сгорать на партийно-агитационной работе дотла во имя любимой

Родины и героического советского народа – его назначение, иначе незачем было в армию идти, в политучилище маяться, которое он уже забыл, когда закончил, да и себя мало помнил, потому как себе не принадлежал, зато числился не только в полку, но и во всем Сибирском военном округе одним из самых опытных, пусть и слабообразованных политработников» [2, С. 21-22]. Будущий радист Вася Шевелев, оценивая невыносимые казарменные условия, которые не каждая скотина смогла бы выдержать, грубое, а порой жестокое отношение офицеров к призывникам, «<...> глядя на здешние порядки, покачал головой и с грустным выдохом внятно молвил: «И здесь бардак» [2, С. 18].

Через короткое время новобранцы, став привычной частью всеобщего хаоса, впали в уныние и апатию, с безразличием и усталостью воспринимали все окружавшее их: время, людей и пространство. «Хлопчики двадцать четвертого года, за две недели выучившиеся ходить строем, колоть штыком, окапываться, ползать по-пластунски, делать марш-броски, все более и более охладевали к этим занятиям, понимая, что нигде и никому они не нужны. Пострелять бы им, полежать в окопах под гусеницами, побросать настоящие гранаты и бутылки с горючей смесью. Но вместо подлинной стрельбы щелканье затвором винтовки, у кого она есть, вместо машин и танков макеты да болванки, вот и превращается красноармеец в болвана, в доходягу, поди им командуй, наведи порядок – всюду молчаливое сопротивление, симуляция, подлая трусость, воровство, крохоборство» [2, С. 133].

Во второй книге война в полную силу показала свой звериный оскал и ненасытную утробу, поглощавшую ежедневно тысячи человеческих тел. В ней описано сражение за один из двадцати семи плацдармов, названный Великокриницким, на правом берегу Днепра («Великой реки») при его форсировании осенью 1943 года; изображены жуткие картины земного ада в своей подлинности и натуралистичности. Это тоже чертова яма, только расположена она на линии фронта, та же ситуация, что и в недавнем прошлом: нет продуктов, нет боеприпасов, нет порядка. Руководили операцией с левого берега преступно бездушные офицеры, из-за боязни они не участвовали в форсировании водной преграды. Сцена переправы нарисована выразительно и остро, с помощью ярких метафорических образов и экспрессивного языка: «Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерч, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой со сказочной жутью <...>» [2, С. 317]. Уцелевшие во время переправы пехотинцы «<...> вцепились в землю и не могли их с места сдвинуть никакие слова, никакая сила. Над берегом звенел командирский мат, на острове горели кусты, загодя облитые с самолетов горючей смесью, мечущихся в пламени людей расстреливали из пулеметов, глушили минами, река все густела и густела от черной каши из

людей <...>» [2, С. 316]. А враг все поливал огнем берег и воду, в которой кишело месиво из людей. «Старые и молодые, сознательные и несознательные, добровольцы и военкоматами мобилизованные, штрафники и гвардейцы, русские и нерусские – все они кричали одни и те же слова: «Мама! Божечка! Боже» и «Караул!», «Помогите!..» А пулеметы секли их и секли, поливали разноцветными смертельными струйками. Хватаясь друг за друга, раненые и не тронутые пулями люди связками уходили под воду, река бугрилась, пузырясь, содрогалась от человеческих судорог, пенилась красными бурунами» [2, С. 317].

Фашисты сокрушали плацдарм огнем и железом много дней и ночей (первым семи дням посвящены целые главы: «День первый», «День второй» и т.д.). Кучно работала артиллерия, щипая «<...> взрывами берег, остров и все, что есть по эту сторону реки <...>» [2, С. 309]. Разрывы снарядов рвали дно, «<...> подбрасывая вверх, во тьму вместе с вертящимися камнями, комьями земли, остатками кореньев, белой рыбы, в клочья разорванных людей» [2, С. 312]. Для усиления оборонительного духа фашистов немецкое командование бросило в пекло ристалища танки, они «<...> шли и шли, валили и валили из-за холмов. Самолеты не давали поднять головы час, другой, пять, день, вечность» [2, С. 470]. Наспех окопавшихся солдат повсюду караулила смерть: впереди и с флангов от фашистской пули или снаряда, сзади от пулеметчиков-карателей из числа заградительных отрядов: «Заградотрядчики работали истоиво, сгоняли, сбивали в трясущуюся кучу поверженных страхом людей, которых все прибывало и прибывало не к тому берегу, где им положено быть. Отсекающий огонь новых, крупнокалиберных пулеметов «дэшэка», которых так не хватало на плацдарме, пенил воду в реке, не допуская к берегу ничего живого» [2, С. 368]. В смертельной схватке с врагом участь почти любого астафьевского солдата трагична, но тяжелее доли штрафников, по мнению писателя, пожалуй, нет и не было в новейшей истории. «Еду и оружие штрафникам не выдавали, – констатировал автор. – Еще вечером, за рекой бросили в котелок на двоих два черпака жидкой картошки, перевитой сивыми нитками заморской консервы, кирпич хлеба, тоже на двоих, сунули, на этом все снабженческие действия и кончились. Оружие-то, конечно, выдадут, может быть, как харчи – на двоих одну винтовку и по одной обойме патронов на брата, да и пошлют под огонь, чтобы выявить огневые средства противника» [2, С. 335].

Рассматривая художественную реальность книги, воплощенную в ее предметном мире, в персонажах и сюжетных коллизиях, нельзя не обратить внимание на название детища В. Астафьева. Заголовок романа, несомненно, ассоциируется с возгласом набожного старовера Коли Рындина, вырвавшимся у него после расстрела братьев Снегиревых: «Бога!.. Бога!.. Он покарат!.. Покарат!.. В геенну!.. Прокляты и убиты... Прокляты и убиты! Все, все-е... – Убийцы!» [2, С. 171]. Можно также допустить, что жесткое название книги и эпитафия

к ней – это утверждение надежды автора на скорое пробуждение в народной душе религиозных чувств, загубленных в годы социалистического «коллективного братства». Но современному читателю ближе и понятнее иная трактовка названия: все наши люди, родившиеся в роковые годы Советской власти и воспитанные в антирелигиозном духе, прокляты и убиты.

Эволюция художественного мышления В. Астафьева – это долгий и сложный путь писателя от романтизма к натурализму, от идиллического, сентиментально-романтического мировосприятия до жизнеподобного художественного мировидения в рамках неореализма («жесточкого реализма»). Начиная с 1980-х годов в произведениях прозаика заметно усилилась боль и отчаяние при изображении и оценки человека и окружающего его мира, а чуть позже, в прозе 1990-х годов пессимистические настроения усугубились и стали необратимыми. Утверждая эпатажный способ освоения жизненного материала литераторами, разрушающий традиционные нормы и правила художественного письма, автор стал изображать маргинальных героев и их неуютный антиэстетичный быт; при этом усилился его интерес к «грязному» слову и мату, к показу откровенных столкновений и сцен, нарочито гротескных характеристик персонажей и их поступков. Отражая сложную и неоднозначную современную жизнь, В. Астафьев часто разрушал структурно-художественные нормы романного жанра, открыто обращаясь к читателю, делая его собеседником и соучастником воспроизводимого. В произведениях этого периода стали чаще встречаться гротеск и сарказм, что сблизило прозу В. Астафьева и сатирические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина. Человек, по В. Астафьеву, – «<...> существо общественное, жизнь и сознание которого должны одухотворяться высшими идеями и нравственным смыслом, в противном случае на пути поступательного движения человечества неизбежны препятствия и роковые преграды» [5, С. 929].

В творческом наследии В. Астафьева поставлено и лишено много актуальных проблем современного мира: личность и государство, человек и война, общество и религия, индивидуум и нравственность. Писателя всегда тревожило непримиримое противостояние добра и зла, он часто задавался вопросами: «Откуда берется в человеческой душе, с одной стороны, гуманизм, любовь и сострадание, а с другой, – ненависть к жизни?»; «Как уживаются в сознании homo sapiens звериное лицо и рабская покорность силе?». Писатель глубоко исследовал противоречивые проблемы общественного развития, следуя традициям русской классической литературы, в особенности Ф. Достоевского и Л. Толстого. Он писал прозу «по-русски жестокою и по-русски же слезливую», умело сочетая в ней сентиментальные и натуралистические подходы при воссоздании объективной действительности, выдвигая на передний план произведений не эстетические функции, а

идеологические и этические. «Он был воистину народным писателем, – верно отметил критик К. Азадовский, – снискавшим себе любовь миллионов. В своих лучших произведениях он возвышается над мирским и мелким, растворяя временное в вечном, точно так же как общечеловеческое превалирует – в общем контексте астафьевского творчества – над национальным» [1, С. 32-33].

Список литературы

1. Азадовский К. Переписка из двух углов империи // Вопросы литературы. – 2003. – № 5.
2. Астафьев В. Комментарии // В. Астафьев. Избранное: Прокляты и убиты. Роман: В 2-х кн. / Коммент. В. Астафьева. – М., 1999.
3. Зайцев В.А., Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века. – М., 2004.
4. Петишева В.А. Романы Л.М. Леонова 1920-1990-х годов: эволюция, поэтика, структура жанра. – М., 2006.
5. Петишева В.А., Петишев А.А. Человек и природа в романе Л. Леонова «Русский лес» // Вестник Башкирского университета, 2014. – Т. 19. – № 3.

Рецензенты:

Карамова А.А., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Бирский филиал), г. Бирск.

2. Абдуллина А.Ш., д.фил.н., профессор факультета филологии и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Бирский филиал), г. Бирск.